

255

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

свидетеля САШНЕВОЙ Марии Александровны
от 12-го января 1944 года.

САШНЕВА М.А., 1921 года рождения, уроженка дер. Топа, Почаевского сельсовета, Смоленского р-на, той же области, русская, из крестьян, гр-ка СССР, беспартийная, со средним педагогическим образованием. Проживает в дер. Зеньково, Почаевского сельсовета, Смоленской области, работает учительницей начальной школы.

Предупреждена об ответственности по ст. 95 УК РСФСР за дачу ложных показаний.

Вопрос: На допросе от 1-го октября 1943 года органы военной контрразведки допрашивали Вас о Вашем дяде ПУПЕНКОВЕ Артеме, который был при немцах старостой в деревне где Вы живете?

Ответ: Да, меня допрашивали о нем.

Вопрос: На том же допросе Вы показали, что в августе 1941 года у Вас дома один раз ночевали какой-то белорус и поляк. Это верно.

Ответ: Да, такой случай был.

Вопрос: Расскажите подробнее об этом случае.

Ответ: После смерти родителей я стала жить у своих родственников и, в частности, с 1930 года живу у своей тетки ПУПЕНКОВОЙ Анны Макарьевны в деревне Зеньково в 30 километрах от Смоленска, за перекрестком дорог Москва-Минск и Смоленск-Витебск.

Я училась в Смоленском педтехникуме, который окончила 19-го июня 1941 года и вернулась к себе в деревню. Через три дня началась война с Германией.

Муж моей тетки - ПУПЕНКОВ Артем Прохорович, 1906 года рождения, в июле месяце 1941 года был мобилизован в Красную Армию. Позже он попал в окружение и, примерно, в конце октября, или начале ноября 1941 года вернулся домой в деревню Зеньково, в которой проживал до освобождения Смоленской области от немцев. Последний год

перед отступлением немцев он работал старостой в нашей деревне. В настоящее время он снова взят в Красную Армию.

В связи с продвижением немцев, я решила уйти в тыл и поэтому в июле 1941 года, вместе со своей подругой АЛЕКСАНДРОВОЙ Ксенией Константиновной зарыла в землю в стеклянной банке свой комсомольский билет и пошла по направлению к Ярцеву. 16-го июля 1941 года я дошла до селения Приселье, в 12-ти километрах от Ярцева, где узнала, что немцами выброшен десант и дорога отрезана. Мне пришлось пойти обратно и в начале августа, примерно, 4 или 5 числа, точно не помню, я вернулась домой к тетке. С тех пор проживаю у ней.

Деревня Зеньково состоит, примерно, из 27-28 домов. Мой дом, вернее дом моей тетки, в группе четырех домов расположен несколько поодаль от деревни, примерно, в полкилометре от нее. В двух соседних домах проживали старики. В метрах 20-ти от дома, где я проживаю, начинается овраг длиной до 500 метров, постепенно углубляющийся, поросший густым кустарником. Овраг сухой, воды в нем нет.

Хата у нас небольшая, перегороденная тесом на две части. Немцы за все время оккупации у нас в деревне постоянно не стояли, изредка останавливались проходящие части.

Я так подробно рассказываю для того, чтобы Вам было понятно, почему именно и нам в домик неоднократно заходили сирывавшиеся от немцев люди.

Как-то раз, это было, примерно, в середине августа ¹⁹⁴¹ может быть несколько раньше, тетка уже легла спать, я тоже собиралась как в дверь кто-то осторожно постучал. Я, не открывая двери, спросила: "Кто там". Незнакомый голос мне тихо ответил: "Не бойтесь, откройте дверь, я русский". Я открыла дверь и ко мне вошел незнакомый мне человек высокого роста.

Он попросил у меня что-нибудь поесть, так как целый день ничего не ел. Тут же он ~~он~~ пояснил, что он военнопленный красноармеец, белорус, бежал от немцев и пробирается к себе на родину, куда-то за Минск.

В это время до нас еще не дошли слухи о немецких зверствах, вернее говоря, они были очень скудны и неопределенны и поэ-

тому я не испытывала особой боязни помочь русским военнопленным. И впоследствии я неоднократно помогала проходившим мимо нашей хаты бежавшим от немцев русским пленным, так, повторяю, немцы у нас в селе не стояли, а староста был хороший и нас не притеснял.

Я усадила вошедшего и дала ему кружку молока и кусок хлеба.

За едой этот белорус сказал мне: "Я вижу, Вы хорошая девушка, думаю не откажите помочь так же еще одному человеку".

Я спросила - кому.

После он мне рассказал, что в овраге, о котором я выше показала, скрывается один военнопленный поляк, также бежавший от немцев. Они оба скрывались в кустарнике этого оврага с утра, а когда стемнело, белорус рискнул выйти, чтобы раздобыть какой-нибудь еды.

Они еще днем наблюдали, оказывается, за моей хатой и увидели, что кроме двух женщин /меня и тетки/ в доме никого нет. Поэтому белорус решился постучать в мою хату. Поляк остался в овраге.

Я знала, что в четырех километрах от нашей деревни, по шоссе в сторону Москвы расположен какой-то лагерь НКВД, в котором находились военнопленные поляки, а может быть и русские заключенные, точно не знаю, так как в ту сторону я не ходила.

Поэтому я спросила белоруса, не из того ли они лагеря, подумав про себя, что он может быть бывший заключенный НКВД.

Белорус снова мне разъяснил, что он военнопленный красноармеец, в этом лагере он не был, а с поляком встретился только сегодня утром в овраге. Он случайно наткнулся на него, спустившись в овраг и сперва даже испугался, думая, что это немец и затем понял свою ошибку. Поляк сказал ему, что он из лагеря военнопленных поляков недалеко от этого места. Я решила, что если мне придется отвечать за белоруса, которого я приютила, то не будет большой разницы, если я помогу и поляку и поэтому согласилась впустить поляка. Белорус ушел и через несколько минут привел поляка.

Поляк был в польской военной форме, которую я сразу узнала, так как в течение 1940-1941 г.г. я видела на шоссе группы военнопленных поляков, которые под конвоем вели какие-то работы на шоссе.

Я усадила обоих за стол и дала им поесть. Скоро я увидела, что белорус начинает дремать и поэтому предложила им переночевать у меня в хате. Белорус сразу согласился и лег спать на полу тут же.

Я продолжала вести разговор с поляком. Поляк меня заинтересовал потому, что, как выяснилось в разговоре с ним, он до призыва на военную службу был в Польше учителем начальной школы в какой-то деревне, я забыла название. Так как я сама закончила педтехникум и готовилась быть учительницей, то потому и завела с ним разговор, тем более, что спать он, видимо, еще не хотел. По-русски он говорил довольно хорошо, сказав, что выучился русскому языку в лагере.

Он рассказал мне, что окончил в Польше учительскую семинарию, затем учился в какой-то военной школе и был подпоручиком запаса. С началом военных действий Польши с Германией, он был призван на действительную службу, находился в Брест-Литовске, где попал в плен и частям Красной Армии. Находился в Козельском лагере, а затем более года в лагере под Смоленском. Он сказал мне название этого лагеря, но я забыла.

Когда пришли немцы, они захватили польский лагерь, установили в нем жесткий режим. Немцы не считали поляков за людей, всячески притесняли и издевались над ними. Были случаи расстрела поляков ни за что. Тогда он решил бежать. Во время работы на шоссе, недалеко от лагеря, он выбрал удобный момент спрятался в канаве, затем отполз как можно дальше от места работы, дошел до деревни и спустился в овраг. Позже в тот же овраг спустился его спутник белорус, с которым он пролежал в овраге до вечера.

Вечером белорус вышел "в разведку" за едой.

Рассказывая о себе, он сказал, что жена его также является учительницей, что у него есть два брата и две сестры.

Он сказал, что мать его с сестрой живут в деревне, название ее я не запомнила, запомнила только уезд Минск-Мазовецкий. Запомнила это потому, что я не знала, что существует еще другой Минск, кроме нашего белорусского и об этом я впервые узнала от поляка.

Минск-Мазовецкий находился, как он сказал, где-то в районе Варшавы. Назвал он также свою фамилию и имя. Фамилия у него была какая-то странная, что-то вроде ЛЕЙКИ. Точно его фамилия записана у меня дома в книжке, которую я могу разыскать дома и представить Вам.

Вопрос: Почему фамилия этого поляка оказалась записанной у Вас в книжке?

Ответ: Это произошло таким образом. Когда на другой день рано утром я разбудила белоруса и поляка с тем, чтобы отправить их, поляк меня долго благодарил за еду и ночлег и сказал мне, что он был бы очень рад после войны встретиться со мной, если будет такая возможность, или узнать, как я живу. Он сказал, что он хочет оставить адрес своей жены и что я могу, если захочу, написать ему о себе. Я согласилась и так как у меня бумаги не было, то я взяла книжку и с его слов записала его фамилию, имя жены и адрес.

Название книжки сейчас не помню, но уверена, что она сохранилась у меня дома.

Он еще много чего рассказывал мне о себе, но я забыла.

Вопрос: Куда отправились белорус и поляк и встречали ли Вы их после этого?

Ответ: Как они мне сказали, они решили целый день выждать в овраге, а затем в ночи двинуться дальше. Я снабдила их едой. Поляк попросил у меня, не смогу ли я ему дать какую-либо одежду, чтобы скрыть форму. Подходящей одежды у нас не было, тем более, что тетя еще спала и я не хотела ее будить. Поляк и белорус рано утром ушли и после этого я никого из них не встречала и что с ними случилось, мне неизвестно.

Вопрос: Какой был из себя этот поляк?

Ответ: Он был среднего роста, примерно 30-32 лет, шатен, глаза у него были серые, нос прямой, но немного длинный. Я хорошо рассмотрела его утром, когда он уходил.

Протокол записан с моих слов правильно, мной прочитан
САШНЕВА.

Д о п р о с и л :

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛЕНИЯ 2 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР
МАИОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

/ГОРДЕЕВ/

Верно: Гордеев